

Правда — 1991 — 19 марта — с 6

О чести мастера

О музыке Д. Д. Шостаковича существовали и существуют прямо противоположные суждения. Споры о ней не утихают и после его ухода из жизни, потому что его музыка, как и всякая трагедийная классика, жива и действенна...

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ

Композитор, творя в годы сталинизма, должен был откликаться на все то, что несла с собой эпоха. Но откликаться, открывая свои мысли полностью, он не должен был и не мог. Выражая эти мысли, он, как и многие честнейшие великие художники, часто прибегал к прикрытию содержания и образов, к «эзопу языку». Очень многие не понимали этого и не хотят понимать до сих пор.

В своей статье, опубликованной в № 3 «Нового мира» за 1990 г., я попытался осветить идейное содержание некоторых произведений Шостаковича. Многие музыкальные деятели и литературоведы откликнулись на мою статью положительно и выразили мне благодарность. Среди них такие крупные музыковеды, доктора искусствознания, как Л. А. Мазель, Д. В. Житомирский, Г. В. Григорьева, литературоведы Н. Б. Томашевский, Г. А. Федоров, хореограф И. Д. Бельский...

Конечно, каждый понимает музыку в силу своих способностей. В своей статье «Фальшивая нота» («Правда» от 11 ноября 1990 г.) композитор Ю. А. Левитин причислил меня к «ретивым авторам, кидаящим камень в Шостаковича», обвинил в «примитивной вульгаризации», в попытке изобразить Шостаковича человеком «двуличным, приспособленцем», в «клевете» на композитора. Между тем в моей статье все это начисто отсутствует. Я пишу, что Седьмая симфония была задумана Д. Д. Шостаковичем до войны, а 8-й квартет автобиографичен и написан в предвидении трагического конца — задуманного самоубийства композитора, — и оказывается, он, Левитин, об этом ничего

не знал и не слышал. Да, о попытке Дмитрия Дмитриевича покончить с собой знали только три человека — его сын Максим, которому я передал изъятые мной у Д. Д. таблетки, его дочь Галина и я.

Что же говорит по поводу своих сочинений сам Д. Д. Шостакович?

«Седьмая симфония была задумана до войны. Следовательно, она не может быть простым отражением нападения Гитлера. «Тема вторжения» не имеет никакого отношения к нападению. Я думал о других врагах человечества, сочиняя эту тему. Конечно, фашизм мне ненавистен. И не только немецкий фашизм, но всякий. Сейчас любят представлять довоенный период как идиллию. Все было так прекрасно, но Гитлер все погубил. ...Я испытываю неизмеримую скорбь за всех, кого убил Гитлер. Но не меньшую скорбь за тех, кто погиб по приказу Сталина... Война с Гитлером еще не начиналась, а в нашей стране их были уже миллионы».

«Война принесла много горя, много разрушений. Но я не забыл довоенные годы. Об этом говорят все мои симфонии, начиная с 4-й, а также 7-я и 8-я. Я не против того, что 7-ю симфонию назвали «Ленинградской». Но там нет и речи об осаде Ленинграда. Дело идет о Ленинграде, который погубил Сталин. Гитлеру оставалось лишь докончить это. Большинство моих симфоний — это надгробные памятники. Слишком много людей в нас погибли неизвестно где... Где можно поставить памятник Мейерхольду или Тухачевскому? Это может сделать только музыка. Я готов посвятить му-

зыкальное сочинение каждой жертве. К несчастью — это невозможно. Я посвящаю им всю мою музыку». И там же: «Когда я написал 8-й квартет, его официально квалифицировали как «разоблачение фашизма». Чтобы говорить это, надо было быть одновременно слепым и глухим. Ибо в этом квартете все так ясно, как в букваре. Я цитирую в нем «Леди Макбет», 1-ю симфонию, 5-ю. Что общего с этим имеет фашизм? Это — автобиографический квартет».

Я привожу в нем и мелодию очень известной у нас песни, посвященной памяти жертв революции».

А вот слова Шостаковича об 11-й симфонии: «История повторяется: это я хотел показать в моей 11-й симфонии, которую я написал в 1957 году. Но, хотя она называется «1905 год», она относится к современному явлению».

Помимо того, что эти мемуары Шостаковича, записанные и изданные Соломоном Волковым, признаны как подлинные и напечатаны и в США, и во всех без исключения европейских странах, я и, конечно, дети Шостаковича

слышали не раз лично от него все эти слова.

Левитин утверждает, что мои дружеские отношения с Шостаковичем никогда не существовали. Но это опровергает моя переписка с Д. Д., из которой ясно, что мы были близки. Нас объединяли прежде всего общие политические антисталинские убеждения. Шостакович ценил также и мои литературные взгляды; часто советовался со мной по семейным делам, поручал мне ответы от его имени на письма и такие работы, как редакция двухтомного издания «Бориса Годунова» в его оркестровке и предисловие к нему, а также предисловия к партитуре, к клавиру и к либретто «Катерины Измайловой». По его просьбе я написал в 1957 г. либретто к его сатирическому произведению «Раёк». Факт этот засвидетельствован дочерью Шостаковича Галиной Дмитриевной, композитором М. А. Мееровичем и подтвержден сыном Шостаковича Максимом Дмитриевичем и мужем Галины Дмитриевны Чуковским Е. Б., присутствовавшими при нашей работе над произведением. Авторский экземпляр «Раёка» по просьбе Дмитрия Дмитриевича хранился у меня, так как он опасался хранить его дома. В 1965 году я возвратил его Шостаковичу, оставив себе копию, которую в 1989 году подарил М. Л. Ростроповичу, будучи вполне уверен в том, что он исполнит «Раёк». Так оно и случилось.

Прилагаю для ознакомления редакции ксерокопии некоторых писем Шостаковича ко мне, а также ксерокопию титульного листа партитуры 11-й симфонии с дарственной надписью Дмитрия Дмитриевича. Полагаю, что особая теплота обращения ко мне вызвана тем, что, работая над этой симфонией, Шостакович пользовался моими записями старых революционных песен и советами при их подборке.

Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ.

Комментарий отдела культуры

Сложны, драматичны судьбы отечественного искусства, его выдающихся представителей, и острая полемика тех, кто о них сегодня пишет, — еще одно тому подтверждение.

Личность Дмитрия Шостаковича оказалась многомернее, чем тот хрестоматийный образ, который был у нас канонизирован. В общении с разными людьми композитор мог быть в разной степени откровенен, да и попросту субъективен в своих оценках. Возможно, подчас эта субъективность играла роль своего рода противовеса тем официальным версиям, которые приходилось культивировать публично. По крайней мере так можно было бы объяснить неожиданную тенденциозность некоторых высказываний Шостаковича, которые приводит Л. Лебединский. Например, о том, что «тема вторжения» из Седьмой («Ленинградской») симфонии якобы не имеет никакого отношения к фашистскому нашествию. Да, не исключено, что, первонач-

ально возникнув в воображении автора, тема эта действительно не была еще связана с военной образностью. Однако необходимо учитывать окончательный, сложившийся замысел художника и реальную жизнь шостаковичевского шедевра. А они убеждают в ином, в том, что традиционную, общепринятую трактовку Седьмой симфонии нет оснований отвергать, — не зря на протяжении полувека все человечество воспринимает эту музыку именно как образ фашистской агрессии, разрушительного натиска сил зла. Другое дело, что смысл произведения, конечно, шире, чем просто иллюстрация к одному эпизоду Великой Отечественной войны, — это обличение любого зла, в том числе творимого и против собственного народа.

Теперь несколько слов о том источнике, откуда Л. Лебединский черпает приводимые цитаты. Справедливость требует заметить: достоверность волковских расшифровок высказываний Шостаковича до

сих пор подвергается сомнению рядом авторитетных лиц, знавших Дмитрия Дмитриевича, и это обстоятельство нельзя сбрасывать со счетов. Во всяком случае пора бы и нашим специалистам предпринять серьезный, истинно научный анализ этого текста, чтобы высказать относительно степени его подлинности аргументированное мнение.

Но даже в том случае, если подтвердится абсолютная подлинность текста, это ни в коей мере не означает, что в своих представлениях о композиторе мы должны немедленно поменять все плюсы на минусы, — такое «переосмысление» было бы вульгаризацией. И потом, ведь остается наидостовернейшее свидетельство шостаковичевской жизни — музыка, а она по-прежнему говорит о главном: о патриотизме художника, о его неизменной вере в светлые силы народа — той вере, которую композитор пронес сквозь самые тяжелые испытания и воплотил ее в своем творчестве.